

Алексей Макушинский

Конец истории и конец Истории

После одиннадцатого сентября разговоры о «конце истории» поутихли; это не значит, что они сделались вполне бессмысленными. Некий смысл в них есть; однако, я полагаю, не совсем такой, какой в это словосочетание вкладывают поклонники Фукуямы.

Говоря о конце истории, нельзя, мне кажется, забывать, что история в двадцатом веке уже по крайней мере два раза заканчивалась. В самом деле, эпоху, в которую мы живем, можно назвать пост-тоталитарной. Мы живем *после* тоталитарных режимов, *после* их крушения, и это *после*, может быть, как ничто другое определяет собой наше настоящее.

Для тоталитарных режимов (я говорю о вполне развитых тоталитарных режимах, т.е. о национал-социализме и о коммунизме – особенно в его сталинистской фазе) – для тоталитарных режимов характерно – не просто характерно, но является их существенным свойством – своего рода *обожествление истории*. История является в них той высшей инстанцией, требования которой должны быть выполнены, чего бы это ни стоило, перед которой деятели этих режимов и оправдывают свои действия, которой они пред-стоят как своего рода божеству. Не случайно – один пример из бесчисленных – Гитлер после присоединения Австрии, с балкона в Вене обращаясь к стотысячной толпе рапортует *перед историей* о достижением („Als der Führer und Kanzler der deutschen Nation melde ich vor der Geschichte nunmehr den Eintritt meiner Heimat in das Deutsche Reich“). История – богиня, она же «мать-история». «Ленин и партия – близнецы-братья. Кто более матери-истории ценен?» как писал Маяковский – если угодно, один из самых *тоталитарных* поэтов двадцатого века.

Эта история совершается на наших глазах, вот она, ее можно потрогать руками. Я думаю, что это было основное чувство эпохи, чувство, захватившее гораздо более широкие круги, не только представителей собственно тоталитарных идеологий. Отсюда представление об особом времени, особой эпохе, свойственное тому действительно весьма особенному времени. «В какое интересное время мы живем!» как восклицал товарищ Киров. Или, как отвечал ему геноссе Геббельс, «мы имеем честь жить в беспрецедентное время» („Wir haben die Ehre, in einer Zeit ohne Beispiel zu leben.“) В той же речи перед студентами Гейдельбергского университета (с характерным названием – «Работник умственного труда в судьбоносной борьбе Рейха»; перевожу буквально – „Der geistige Arbeiter im Schicksalskampf des Reiches“) Геббельс объясняет, почему это время такое бес-

примерное. «Это время, когда в Германии историю не только преподают, но когда ее делают.» И дальше: «Лишь редко склоняется богиня истории к людям и народам и касается земли краем своего покрывала» («Nur selten neigt sich die *Göttin der Geschichte* herab zu den Menschen und Völkern und streift mit dem Saum ihres Mantels die Erde.») Цитаты легко продолжить.

История, историческая необходимость, требования момента – все это является и высшей моральной инстанцией, оправдывает жертвы и требует жертв. В жертву истории, исторической необходимости можно (и должно) принести и свою, и чужую жизнь. Обычные этические нормы, «буржуазная мораль», естественно, отменяются. Есть поразительные строки Эдуарда Багрицкого, в которых это «снятие этических норм» выражено с предельной, если угодно – запредельной, откровенностью: «А век поджидает на мостовой, / Сосредоточен, как часовой. / Иди – и не бойся с ним рядом встать. / Твое одиночество веку под стать. / Оглянешься – а вокруг враги; / Руки протянешь – и нет друзей; / Но если он скажет: «Солги», – солги. / Но если он скажет «Убей», – убей.» Если история, с ее якобы известными «законами», если «историческая необходимость» говорит «Убей!» – то не просто можно, но должно убить.

Пощады богиня истории, конечно, не знает. Как писал в пору своей наибольшей близости к коммунизму английский поэт Вистан Хью Оден: «История может сказать побежденным Увы, но не может ни помочь, ни простить». „History to the defeated / May say Alas but cannot help nor pardon“. (Знаменитые строки, от которых он сам же впоследствии, отошедши от коммунизма, отказался.) Поэтому так важно было быть с победителями, не остаться в стороне от великого исторического движения, якобы ведущего ко всеобщему счастью.

Это всеобщее счастье означает, разумеется, *конец истории*. Оно же и придает истории ее действительный смысл. В самом деле, только завершенная история имеет смысл, бесконечная история бессмысленна, представляет собой простое воспроизведение одного и того же, вечное возвращение. Марксизм возвещает конец истории в (неопределенном) будущем и потому может рассматриваться как секуляризация – если угодно профанация – иудео-христианской эсхатологии. Эсхатологические черты легко различимы и в нацизме. Поэтому (среди прочего) правы те, кто говорит в связи с тоталитарными режимами (и идеологиями) о политических религиях, секулярных религиях, псевдорелигиях и т.д.

Все это достаточно известно. Но важно здесь то, что в сталинизме и, отчасти, в нацизме этот конец истории *как бы* уже наступает. Начинается *инсценировка* конца истории. В «Сталинской» конституции 1936 года социализм объявляется «в основном построенным», Советский Союз в бесчисленных картинах, кинокартинах, поэтических и прозаических текстах изображается как «самая счастливая страна на свете», «родина всех трудящихся» и т.д. Наступает советская «пародия рая», как писал Ходасевич. Можно сказать, что история превращается в природу – причем в природу преображенную, просветленную, «райскую». Ос-

новной топос, конечно – сад (и Сталин в нем садовник). Здесь можно вспомнить вполне уместное стихотворение советского поэта Лебедева-Кумача, которое так и называется «Садовник»: «Вся страна весенним утром как огромный сад стоит / И глядит садовник мудрый / На работу рук своих. [...] Он помощников расспросит, / Не проник ли вор тайком, / Сорняки, где надо скосит, / Даст работу всем кругом. // Пар идет от чернозема / Блещут капельки росы. / Всем родной и всем знакомый, / Улыбается в усы.» Это тоже лишь один пример из многих (вспомним еще хотя бы тот сад в фильме «Падение Берлина», в котором Сталин подрезает розы, и обалдевший от лицемерия божества герой фильма не может правильно произнести его имя и отчество). Это, конечно, Эдемский сад, райские кущи. Причем в этом райском саду почти всегда присутствуют какие-нибудь доменные печи, не только не разрушающие идиллию, но совсем наоборот – создающие ее. Вспомним опять-таки Маяковского – «здесь будет город-сад», но атрибуты этого сада чисто индустриальные – «Здесь встанут стройки стенами. / Гудками, пар, сипи. / Мы в сотню солнц мартенами / воспламеним Сибирь.» Примеры опять-таки очень легко продолжить.

Сад присутствует и в нацизме, Гитлер-садовник – этот топос прослеживается, в частности, и в нацистской «лирике». Здесь тоже, хотя и не совсем так, инсценируется конец истории. «Немецкий народ получил-таки свой германский Рейх», сказал Гитлер на партийном съезде 1937 года („Die deutsche Nation hat doch bekommen ihr germanisches Reich“), причем, если верить воспоминаниям Шпеера, некоторые из присутствующих, в частности из присутствующих генералов вермахта, разрыдались от счастья. Эсхатологическое «Третье Царство» *уже* наступило, «Третий Рейх» *уже* начался. И конечно же, это завершение истории, это превращение истории в природу лучше всего видно в искусстве так сказать «национал-социалистического реализма», подобно тому, как оно видно в искусстве реализма просто социалистического (сходство между тем и другим давно подмечено). Достаточно посмотреть каталоги ежегодных мюнхенских выставок, со всеми их идиллическими картинами сельского труда и идеальными типами «рабочего», «крестьянки» (чуть не сказал «колхозницы»), и т.д., чтобы убедиться, что время здесь как бы останавливается, «золотой век» уже наступил.

Он уже наступил – и вместе с тем он, конечно, еще только должен наступить, до него еще идти и идти, бороться и бороться. Т.е. история *одновременно* заканчивается и продолжается. С одной стороны, «социализм в основном построен», с другой стороны и в соответствии со знаменитым тезисом Сталина, «классовая борьба по мере приближения к бесклассовому обществу обостряется». Казалось бы одно исключает другое. На самом деле – и в этом парадоксальная логика тоталитарных режимов – одно невозможно без другого; пафос борьбы и инсценировка «примирения противоположностей» - это две стороны одной медали; единство «динамики» и «статики». Сталинский фикционализм расцветает вместе со сталинским террором. Т.е. днем советские люди (якобы) поют и веселятся, ходят

на демонстрации и живут в самой счастливой стране, а ночью (на самом деле) дрожат в ожидании ареста и прислушиваются к шагам на лестнице. Иными словами, там где наступает «рай», там наступает и «ад», с той оговоркой, конечно, что рай пародийный, ад же настоящий. Завершение истории оборачивается *загробным царством*, *Jenseits*. Так и в нацизме есть эта дневная и ночная сторона, Бухенвальд соседствует с Веймаром.

Но есть одно существенное отличие. Эта ночная сторона в нацизме становится в какой-то момент доминирующей, ад как бы захлестывает рай. Это происходит в конце войны, когда становится понятно, что выиграть ее не удастся. Когда рейх гибнет и райский сад исчезает под бомбами, Гитлер, как известно, инсценирует «гибель богов». Если уж не удалось «Царство Божие на земле», то пускай удастся по крайней мере конец света. Эсхатология превращается в апокалипсис. Если не удалось построить «новый мир», то следует по крайней мере «разрушить до основания», а еще лучше *сжечь* старый. (Стихия огня вообще основная стихия нацизма). Таким образом, история заканчивается в нацизме как бы двойным образом – и как «золотой век» и как «огнь с небес».

С тех пор прошло шестьдесят лет, и после смерти Сталина тоже прошло уже больше полувека. И вот теперь, когда закончились, так сказать, и сама трагедия и последовавшая за ней, как в античном театре, *сатирическая драма* послесталинского коммунизма (и трагедия и фарс, и усы и брови), становится понятно, что это разыгранное в середине двадцатого века завершение истории дискредитировало саму ее идею. Т.е. эта лежавшая в основе тоталитарных режимов вера в историю-избавительницу, в историю как спасение утрачена. Она дошла до своего логического предела или, если угодно, до абсурда и потому более невозможна. В этом, именно в этом смысле, можно и должно говорить о конце истории. История, разумеется, не кончилась, но История с большой буквы, история-смыслоподательница, мать-история завершилась, богиня История умерла. *Gott ist nicht tot, aber die Göttin Geschichte ist gestorben*. Поэтому можно сказать, что мы, люди пост-тоталитарной эпохи, живем наконец в «неинтересное» время. Лично я считаю, что нам очень повезло.